

Ловушка либерализма

Как долго может существовать терпимое общество

Массовые беспорядки во Франции заставили многих наблюдателей отказаться от политкорректности и рассматривать мир таким, какой он есть, а не таким, каким он никогда не будет. Реальность, о которой говорили, спорили, но, по большей части, молчали, напомнила о себе. Обсуждение этой реальности не может быть приятным, поскольку неизбежно разоблачает те опасные мифы, которые современные люди привыкли считать собственными убеждениями.

Государство-нация

Один из главных либеральных мифов, разрушенный событиями во Франции, — это возможность этнически индифферентного подхода к политике, убежденность в маловажности этнических различий между гражданами государства в «постиндустриальную» эпоху. Этот взгляд не только не соответствует фактам современной истории, но и находится в противоречии с человеческой природой.

Среди историков распространено мнение, согласно которому национализм — это феномен, возникший в XIX веке вместе с национальными государствами. Из этой посылки делается вывод (уже не историками), что нации вот-вот отомрут. На самом деле вся история человечества — это история народов. Древние евреи с их презрением к гоям, греки, считавшие варваров, то есть негреков, расово неполноценными и достойными быть лишь рабами и все бесчисленные древние племена халдеев, ассирийцев, хеттов и т. д. известны нам сегодня именно как халдеи, ассирийцы и хетты, а не общества, исповедовавшие понятие нации как согражданства.

Правда, часто в расчет берется не собственно этническое происхождение, а культура, принимая которую, человек становится «своим». Однако это не меняет дела, ибо речь в любом случае идет о самоидентификации по принципу «свой-чужой». В древнем Китае человек, освоивший иероглифы, то есть принявший китайскую культуру, мог считаться китайцем. Но это лишь означает, что стать китайцем все равно приходилось, да и расовый тип новых подданных, скорее всего, был тем же, что и у остальных. Столь глубоко

ко укоренившееся в человеке стремление отделять своих от чужих, видимо, имеет основание в самой человеческой природе и присуще человеку как виду. С этим, наверное, ничего уже не поделаешь.

Эксперты, считающие пробуждение этнического самосознания у национальных или расовых меньшинств, проживающих на территории данного государства, частью нормального демократического процесса, ошибаются. Если только речь не идет о борьбе с дискриминацией по национальному или расовому признаку выдвижение меньшинствами каких-то особых требований и лозунгов имеет мало общего с демократией. Ведь с точки зрения последней граждане являются юридическим понятием, а не этническим. Отличия интересов и запросов этнических меньшинств от таких же интересов и запросов бизнеса или профсоюзов слишком велики, чтобы их игнорировать. Ни бизнес, ни профсоюзы, ни научное сообщество не могут стремиться к созданию независимого государства, населенного только бизнесменами, профсоюзной бюрократией или учеными, а этнические группы — могут. История показывает, что такие требования редко осуществляются без кровопролитных войн. Озноб, охватывающий американских консерваторов, наблюдающих за заселением юга и юго-запада США мексиканцами, понятен. Сами американцы отторгли эти регионы у Мексики точно таким же образом всего полтора столетия назад.

Возможно, разговоры о необходимости отказа этнических меньшинств от собственной «идентичности» исходят со стороны белого большинства с европейскими корнями и являются скорее требованием, чем оценкой условий, необходимых для безопасности государства. Может быть, и так. Однако это говорит лишь о том, что все сколько-нибудь значимые государства по природе своей национальны, обладают этнической основой. Это требование скорее естественно и необходимо, чем предосудительно.

Остаются национальным государством и Соединенные Штаты. Иммигранты на протяжении последних двух столетий интегрировались не в индейское сообщество, а в существовавшее национальное ядро английских колонистов. Размывание этого ядра и проблемы с интеграцией новых иммигрантов, по широко распространенному в США мнению, является угрозой существованию страны. Опять же, мексиканцев, переплывших ночью Рио-Гранде и осевших в Техасе, ничего не связывает с украинцами, правдами и неправдами добравшимися до Нью-Йорка, ничего, кроме мощного, хотя и сокращающегося массива потомков англичан, а также ассимилированных ими выходцев из Западной Европы, которые и удерживают единое культурное поле страны.

Это же относится и к России, хотя существует мнение, которого придерживался еще Гегель, о том, что она не является национальным государством. Национальное государство подразумевает существование государствообразующей нации, без которой страна невозможна. Чечню, Чувашию и Чукотку не связывают никакие мыслимые связи, кроме первой буквы «ч» и того, что все пространство между ними и часть их собственной территории занимают представители четко определяемого этноса. Невозможно присоединить Чечню к Башкирии, а Адыгею к Бурятии. При этом исчезновение, не дай бог, любого другого народа, кроме русского, само по себе не приведет к исчезновению страны. Даже Советский Союз, в котором русских было порядка 50 %, являлся, по сути, национальным государством, о чем весьма красноре-

чиво говорилось в первом же куплете гимна: «Сплотила навеки великая Русь». Нельзя бесконечно отрицать очевидное. Разумеется, вышесказанное не опровергает того, что русским может считаться любой человек, для которого русский — родной язык. Но, как и в случае с древнем Китаем, дела это не меняет.

Ненациональные государства тоже существуют, правда, они недолговечны. Достаточно вспомнить недолгую историю Чехословакии или Югославии. История последней оказалась не только недолгой, но и печальной. Ситуация в Индии, ненациональном государстве, существующем немногим более 50 лет, может начать обостряться по мере роста национального самосознания населяющих ее народов, которые до сих пор были элементарно неграмотными, что и позволяло сохранять единую государственность. Не являющиеся национальными государствами Швейцария или Бельгия, процветают в тепличных условиях посреди Европы (хотя в последней трения по поводу языка все же существуют).

Как видим, основой современного миропорядка остается национальное государство, а его размывание чревато катастрофой. Термин «балканизация» в отношении происходящего процесса этнической дезинтеграции США уже употреблен¹.

Отказ признавать очевидное ведет к постановке банальных вопросов, на которые нечего ответить. Как призвать выходцев из Мексики на борьбу с Мексикой, если она станет угрожать интересам США? Или они скорее поддержат бывшую родину, с которой по-настоящему и не расставались? Это относится и к другим этническим группам. Прежде иммигранты меняли имена на английский манер, сегодня американцам впору давать своим детям испанские имена, чтобы они не слишком выделялись в школе. В случае серьезного конфликта в мире американскому правительству придется решать непростую головоломку, направляя мексиканцев на борьбу с Китаем, китайцев — с Мексикой и т. д.

Грядущая фантазмагория превращаемой в некий этнический пазл внешней политики США, которая, как никогда и нигде ранее, действительно станет продолжением внутренней, не является чем-то совсем новым. Перед теми же дилеммами встала Римская империя времен упадка, вынужденная для войн с варварами нанимать варваров, расселяя варваров на своей территории для защиты от них же. В конечном итоге в самих римлянах уже не было нужды, и варварские королевства продолжили воевать друг с другом.

Возможна ли этнически нейтральная концепция государства? На ближайшие сто лет ответ звучит скорее как «нет». Это, однако, ни в коем случае не означает, что в стране не могут жить представители разных народов. Просто государству нужно на чем-то держаться, и это должно быть нечто большее, чем показатели экономического роста. И опять, американцы заинтересованы в дешевом бензине, а, значит, в хороших отношениях с арабами, но американские евреи, широко представленные в ведомствах, занимающихся внешней политикой, более склонны поддерживать Израиль. Готовы они променять ностальгию на дешевый бензин? Существует предел, до которого этнические про-

¹ Бьюкенен П. *Смерть Запада. Чем вымирание населения и усиление иммиграции угрожают нашей стране и цивилизации*. М., 2003. С. 196.

тиворечия называются мультикультурализмом, и за которым они называются угрозой существованию страны. Ведь США и европейские страны продолжают оставаться национальными государствами, они представляют собой историческую и политическую форму существования соответствующих народов.

Можно было бы возразить, что в эпоху глобализации национальные границы потеряли свое значение, как в Новое время его потеряли стены средневековых замков, больше неспособные никого защитить. Но проблема в том, что глобализация-то и поддерживается одной из наций для продвижения своих интересов в мире², и при коллапсе национального государства, каким являются Соединенные Штаты, застоится и глобализация, открыв тем самым эпоху новых мировых войн и этнически окрашенной злобы, подспудно накапливающейся повсеместно. *Ирония ссылки на глобализацию как гарантию безвредности мультикультурализма состоит в том, что сам этот мультикультурализм разрушает этническое ядро сверхдержавы, обеспечивающей глобализацию.*

До сих пор продвижение в мире нынешнего понимания прав человека определялось мощью Соединенных Штатов, однако, отстаивая ценности, подрывающие основы национального государства и, как полагают многие, основы существования самого общества, Америка тем самым, что называется, рубит сук на котором сидит, ибо ее собственная мощь как раз и базировалась последние двести лет на преимуществах национального государства и совсем иных стереотипах мировосприятия. Ситуация парадоксальна — чем больший успех сопутствует глобализации и широко понимаемым правам человека, тем меньше у них перспектив.

Два этих процесса — размывание основ западных государств и обществ, с одной стороны, и успехи глобализации, прав человека, материальный и технический прогресс — с другой, какое-то время могут идти параллельно. Именно так и было во время арабского восстания во Франции, когда падение Пятой республики в предместьях Парижа ничуть не затронуло посетителей кафе в его центре, для которых нищие окраины собственного города — уже другая планета и, разумеется, не Франция. Подобная ситуация может продержаться довольно долго, но, как подсказывает разум, не вечно.

Происхождение лояльности и мифология терпимости

Протест консерваторов в действительности обращен не столько против иммиграции, сколько против нежелания новых иммигрантов интегрироваться в западное общество. Они не хотят допустить опасную ошибку, разочаровав множество талантливых и трудолюбивых людей, которые желали бы поселиться в их странах. Справедливо подчеркивается, что расовые отличия сами по себе не делают интеграцию кого бы то ни было невозможной. Но беда в том, что в западное общество в его современном состоянии, которое многие называют отталкивающим, найдется немного желающих интегрироваться.

² «Клеймо “Сделано в США” четко и неотвратно проступает на глобализации. И эта глобализация как национальная доктрина мирового гегемона в конечном счете отражает и выражает свое национальное происхождение». Бжезинский З. *Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство*. М.: Международные отношения, 2005. С. 196. США выступают за открытую глобальную систему, но лишь такую, где они сами определяют правила, принуждают к их соблюдению других и не соблюдают их сами, если считают необходимым. Там же. С. 193–195.

Все-таки трудно отделаться от чувства, что нынешняя безграничная приверженность сохранению «идентичности» национальными меньшинствами объясняется не доброй волей государствообразующей нации, а ее деградацией ниже того предела, до которого интеграция в нее казалась престижной. Нежелание мусульманских иммигрантов интегрироваться в европейское общество, а латиноамериканцев – в американское, утрата ими лояльности к большинству отчасти объясняется тем, что они просто не считают современную культуру «цивилизованных» белых народов выше своей. Здесь они, вероятно, правы, и общество, сделавшее детоубийство нормой, вряд ли достойно уважения. Кроме того, возможна лишь интеграция меньшинства в большинство, а если некоренные народы достигнут большой численности, то речь пойдет лишь о сосуществовании примерно равных по силе общин.

В действительности относительная редкость межэтнических столкновений в западных странах объясняется не утверждением там просвещенного либерализма и мультикультурализма, а либо памятью о былом имперском единстве (Россия, отчасти Франция и Великобритания), либо их экономическими успехами, отвлекающими энергию в производительное русло (США), либо системой социального обеспечения (Германия). Кроме того, государствообразующие этносы составляют в западных странах все еще значительное большинство. Однако это, судя по всему, не надолго, да и перед системами социального обеспечения европейских стран уже маячит угроза разорения.

Если западное общество желает интегрировать иммигрантов, ему следовало бы измениться самому, иначе проблему не решить. Предположение о том, что мусульманская иммиграция может существенно сократиться к 2025 году, когда пройдет пик роста рождаемости в Северной Африке и на Ближнем Востоке³, положения не меняет. Может быть, иммиграция сократится, может быть, нет. Готовится нужно к худшему сценарию. Если бы США после Второй мировой войны сидели сложа руки и ждали, пока Советский Союз мирно распадется в 1991, Америка проиграла бы Холодную войну.

Но это не главное. Даже если бы мусульманской и латиноамериканской иммиграции не было вообще, это отнюдь бы не означало, что Запад не нуждается в консервативных реформах, фактически в консервативной революции. Ведь западные народы вымирают независимо от того, приезжают арабы и мексиканцы или нет. Иммиграция и угрозы, с ней связанные, лишь подчеркивают необходимость масштабной реконструкции западного общества. Проблема лояльности к обществу шире вопроса интеграции иммигрантов, она включает также вопрос о выработке лояльности у «коренных» граждан.

Необходимость выработки лояльности ставит и другую дилемму – способны ли восточные народы считаться с неагрессивным, терпимым обществом? Откровенно говоря, является ли терпимость к иным народам, религиям и культуре ценностью западной цивилизации – большой вопрос. Европейцы и американцы – это нации-завоеватели, которые на протяжении почти всей своей истории захватывали чужие земли, оттесняли другие народы и обращали их в свою веру. Без этого американская нация никогда бы не появилась, а европейские находились бы на уровне Средневековья.

³ Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*. М., 2003. С. 319.

Господство нуждается в оправдании. Западное господство на протяжении сотен лет оправдывалось тем, что эта цивилизация превосходила все остальные, и в конечном итоге ее господство шло на пользу всем остальным. Без колониальных захватов не было бы Индустриальной революции и все человечество до сих пор жило бы в Средневековье, охотилось на ведьм и вымирало от эпидемий. Мир устроен не так, как его представляют либералы. Тот, кто не может поддерживать и распространять свою власть, неминуемо будет уничтожен. Других примеров история не знает. Западные народы смогли позволить себе терпимость лишь после того, как захватили почти весь мир.

Социализм и восстание

Очевидное объяснение обострения межэтнической ситуации в развитых странах заключается в неинтегрированности новых эмигрантов в общество. Однако это, что называется, не вся правда. Существует связь между полусоциалистической экономикой европейских стран и возмущением иммигрантов, выливающимся в насилие. Система социального обеспечения вызывает запросы, которые не может удовлетворить и ведет к деградации человеческих качеств, которые позволили бы без нее обойтись. Если в США иммигранты в основном едут работать, то в Европу, слишком часто, — лишь получать пособия, что ведет к выработке у них другого менталитета и склонности свои беды относить на счет общества и государства, которое их приютило. Многие из восставших во Франции арабов всю жизнь прожили на социальное пособие и в любом ухудшении своей жизненной ситуации обвиняют правительство, против которого восстают. Тем не менее Евросоюз уже заявил о выделении 50 млн евро на улучшение положения в неблагополучных районах Франции, где произошло восстание. Брюссель лишь подливает масло в огонь, показывая, что уничтожением собственности, школ и заводов можно добиться материальных выгод, а не тюремного срока.

Европейская модель экономики сама по себе препятствует интеграции иммигрантов. Невиданные по размаху уличные беспорядки не случайно разразились именно во Франции. Согласно последним опросам 51 % французов чувствует себя в душе социалистами, еще больше считают капитализм эксплуататорским строем. Даже если лидер французских крайне правых Ле Пен станет президентом, этническое противостояние вряд ли ослабнет. Ведь покуситься на «завоевания трудящихся», забывших, что они именно трудящиеся, а не плебс, требующий хлеба и зрелищ, он все равно не посмеет, а если посмеет — перестанет быть президентом.

Угроза французского бунта в Америке, видимо, растет прямо пропорционально электоральным успехам Демократической партии, делающей акцент на социальных обязательствах государства. Хотя опасной комбинации социализма и массовой иммиграции Америке удавалось пока избегать. Если уж нельзя обойтись без иммиграции, нужно постараться не допустить социализма, этого второго компонента взрывоопасной социальной смеси. Вывод печален — в нынешних условиях борьба с социализмом и с распадом общества и экстремизмом — это во многом одно и то же. Между этими явлениями существует глубокая связь. Если бы государство не заменяло отца,

выплачивая пособия, не отмер бы институт семьи, если бы не существовало грандиозной системы социальной защиты, дети продолжали бы оставаться страховкой в старости и западные народы не исчезали бы, но самое главное – если бы социализм не отучил европейцев работать, незачем было бы приглашать рабочую силу из-за рубежа и некому было бы поджигать машины в Париже. Безработных во Франции – порядка 10 %. Разумеется, кто-то должен кормить эту армию бездельников.

Что касается России, то иммиграция сюда, легальная или нелегальная, носит позитивный характер. Люди едут в страну работать, а не получать социальные пособия, которые здесь не обеспечивают простого выживания. Ярким примером отрицательной иммиграции, как уже говорилось, является въезд во Францию во второй половине XX века массы иммигрантов из бывших колоний. Алжирцам, родившимся до 1962 года (окончание войны с Францией) французское гражданство предоставлялось автоматически, причем они могли рассчитывать во Франции на получение муниципального жилья, за которое почти ничего не платили, и социальных пособий, на которые можно жить, не работая. За свое благородство французы расплатились довольно быстро.

Отсутствие серьезных социальных расходов у российского правительства в постсоветскую эпоху было одновременно болезненным, неизбежным и желательным. Оно было болезненным, поскольку большинство населения, разумеется, было не приспособлено к выживанию в условиях полурыночной экономики, тем более замешанной на криминале. Оно было неизбежным из-за отсутствия у правительства серьезной налогооблагаемой базы, что объяснялось отчасти уходом бизнеса в тень, отчасти неразберихой в госструктурах, но в значительной степени крахом самой экономики. И оно было желательным, поскольку никакая иная модель экономического развития, кроме той, где государство не лишает людей стимулов к труду путем выплаты пособий, не может существовать сколько-нибудь длительное время, как показывает приближающееся банкротство систем социального обеспечения в полусоциалистических странах Западной Европы. В якобы коммунистическом Китае эксплуатация рабочей силы ничем не ограничена, этим, наряду с эффективностью пусть и временной, просвещенной диктатуры, и объясняются его экономические успехи. Слабый пограничный контроль со странами СНГ также способствует утверждению в России условий для развития относительно свободного рынка труда. Поскольку позитивная иммиграция интегрируется в общество лучше негативной, у России есть определенные преимущества перед Западной Европой.

Уставшие дети

Одна из наиболее острых дискуссий, увлекших мировую интеллектуальную и политическую элиты, касается роли либеральной идеологии в процессе упадка Запада. Сокращение белого населения с европейскими корнями в США и Канаде, постепенное исчезновение белых европейцев в самой Европе и необходимость привлечения иммигрантов из незападных стран являются лишь его частью. Кроме этого, под упадком понимается ликвидация прямого западного контроля над большей частью мира, бегство сотен тысяч европейцев из колоний в середине XX века, а также то, что можно назвать «падением нравов».

Еще 1964 году Джеймс Бернем, один из стратегов холодной войны, опубликовал книгу с симптоматичным названием «Самоубийство Запада. Очерк о значении и судьбе либерализма»⁴. Основой книги стали его работы под общим названием «Либерализм как основа самоубийства Запада». Столь зловещее название объяснялось, видимо, окончательным крахом колониализма в 1960-е гг., когда масса европейцев бежала из Алжира и других освободившихся стран, и полумесяц занял там место креста на храмах.

Сила цивилизации, как это следует из слов Бернема, может быть определена по территории и населению, над которым она осуществляет эффективный политический контроль. Либерализм же — это типичная словесная систематизация процесса сжатия западной цивилизации, он мотивирует и оправдывает это сжатие, примиряет с ним, что равнозначно самоубийству. Несколько лет назад с не менее апокалиптическим прогнозом выступил Патрик Бьюкенен, бывший советник президентов Никсона и Рейгана, кандидат от республиканцев на президентских выборах 1992 и 1996 годов. В своей книге «Смерть Запада»⁵ он рисует монументальное полотно деградации западных стран и народов, находя все тех же врагов — либералов и левых.

Действительно, западные женщины перестают рожать, мужчины — работать, писатели — писать настоящие книги, а художники не находят ничего лучше, чем выставить в картинной галерее мусор в виде искусства, как в прямом, так и в переносном смысле. Последней каплей стал успех шимпанзе по имени Конго, картины которого, созданные в жанре абстракционизма, начали продаваться с аукциона наравне с творениями современных художников, ведь отличить работы последних от произведений примата не так-то просто. Появились подделки, но их быстро разоблачали, ведь кто кроме шимпанзе способен выразить переживания современного человека?

Либералы отстаивают необходимость «планирования семьи», узаконивая детоубийство, выступают против активной ассимиляции иммигрантов, что ведет к распаду государства и общества, оправдывают мягкое отношение к преступникам, в результате чего молодежные банды захватывают города и т. п. Скорбный список претензий можно продолжать. Все это правда и действительно похоже на деяния самоубийц и безумцев. Однако либерализм тут, скорее всего, не причем, и истина, как это часто бывает, прозаична.

Элементарная историческая грамотность принуждает признать, что всем своим успехом, прогрессом и величиим Запад обязан именно либерализму. Главная идея либерализма в том, что людей надо оставить в покое, не вмешиваться в их жизнь без крайней нужды ни со стороны государства, ни со стороны церкви, ни со стороны общества. Как только эта идея начала распространяться в Европе, произошел тот цивилизационный рывок, который и вывел Запад далеко вперед Востока. Когда церковь перестала сжигать ученых, запрещать коммерцию и истреблять иноверцев, когда государство стало из сакрального инструмента грабежа превращаться в институт, гарантирующий права граждан и их независимость, когда все, что было не запрещено, оказалось разрешено, а не наоборот, и произошел беспримерный в истории

⁴ Burnham J. *Suicide of the West. An Essay on the Meaning and Destiny of Liberalism*. N. Y., 1964.

⁵ Бьюкенен П. *Указ. соч.*

скачок в развитии западных народов, вырвавшихся из той нищеты, неграмотности и убожества, на котором была основана традиционная иерархия.

Почему же теперь либерализм из инструмента, поощряющего прогресс, превратился в то, что примиряет Запад с упадком и деградацией? Либерализм — это способ беспрепятственного достижения личных целей, они-то и изменились. Если раньше западные народы стремились к тому, чтобы достичь достатка, для чего им была необходима и воля, и хотя бы элементарная дисциплина, то теперь, на стадии изобилия, не нужно ни того, ни другого. *В том-то и заключается парадокс и ловушка либерализма, что, будучи эффективным инструментом достижения благосостояния, он приближает и упадок, следующий за ним.* Поэтому все общества, принявшие либерализм в качестве основы развития, весьма скоро начинали вымирать, как это произошло с древними греками и римлянами, города которых обезлюди сразу же за достижением изобилия, как его тогда понимали. Люди, привыкшие к чему-то стремиться в жизни, как правило, стремятся и иметь детей, это свойство того «животного духа», который необходим для преодоления трудностей. А нет препятствий — нет и духа.

Запад поражен тем, что можно назвать проклятием второго поколения, известного каждому. Чем трудолюбивее, умнее, энергичнее и успешнее родители, тем лучшие условия они создают своим детям, и тем никчемнее часто оказываются эти дети, не умеющие к двадцати годам без посторонней помощи завязать шнурков. Нынешние американцы уже не сумели бы создать великую страну на голых прериях, как и нынешним русским стало не под силу удерживать даже осколки своей великой некогда империи. Ярче всего эта печальная метаморфоза видна на судьбе англичан. В конце 30-х годов, после встречи с английской делегацией, Муссолини отметил: «Эти люди сделаны уже совсем не из того теста, что Фрэнсис Дрейк... Уставшие дети целой цепочки богатых поколений, империю они потеряют». Он оказался прав. Но теперь европейцы теряют уже не империи, а собственные страны.

Достигая стадии изобилия, народы опускаются и вымирают вне зависимости от того, исповедуют они либеральные ценности или нет. Рождаемость среди русских в СССР упала еще в советские годы, а Советский Союз вовсе не был оплотом либерализма, просто правительство к 70-м годам обеспечило людям минимальный достаток. Нынешняя Россия тоже не так бедна, как принято думать, стандарты жизни тут серьезно отличаются от тех, которые существуют в по-настоящему бедных странах, например, в Средней Азии. Признаком и катализатором упадка является скорее социализм, чем либерализм.

Консерваторы ошибаются и в том, будто упадок народов — это простое следствие морального разложения. Порнография, например, вовсе не отвлекает людей от самопожертвования, ведь террористы, совершившие теракты 11 сентября 2001 года, готовясь к ним, покупали порнографические книжки. Однако это никак не помешало им отдать свои жизни за то, во что они верили. Разумеется, сами террористы могли быть и обеспеченными людьми, но возмущение их нищих и униженных народов перевешивает и это. Сексуальные отклонения тоже сами по себе мало о чем говорят. Гомосексуализм в Древней Греции был нормой, но это не помешало создать великую культуру и разгромить персов. Таланты и волю Цезаря также трудно отрицать, хотя о его нетрадиционных склонностях пели песни солдаты собствен-

ной армии. И уже совсем несерьезны проклятия, посылаемые консерваторами в адрес алчности, гнавшей Колумба в поисках пути в богатую Индию, без чего нынешний оплот консерватизма не был бы даже открыт. К сожалению или к счастью, причины упадка народов не лежат ни в области мистики, ни в области идеологии, ни в области личной морали.

В заповеднике мифов

Если консерваторы в чем-то и правы, так это в критике противостоящей им радикальной концепции либерализма, отражающей потребности и желания как «второго поколения», о котором говорилось выше, так и некоторых политических структур. Новая либеральная мифология отличается от марксистской не большей правдоподобностью, а более прохладным отношением к массовым репрессиям, казням без суда и истреблению гражданского населения ради утверждения данной доктрины. Этого, конечно, достаточно, чтобы признать ее более приемлемой, чем марксизм, но все-таки не хватает для придания ей хоть какого-то налета рациональности.

Несложно понять, кому выгодно насаждение мифа об отмирании национальностей. Интересы США зримо проступают и здесь. Это слишком похоже на уловку, позволяющую империи управлять подвластными народами, утверждая, что они на самом деле не народы, а всего лишь потребители ее товаров. Германии не случайно уделяется особое внимание, но не для того, чтобы вылечить ее от нацизма, которым она давно уже не больна, а потому что Германия остается единственной державой, способной при желании поставить под сомнение господство США в Европе⁶. Проблема, однако, заключается в том, что этот миф рикошетом бьет и по самой Америке.

Еще одним современным мифом можно считать объяснение быстрой деградации промышленности западных стран их вступлением в сказочную эпоху информационного общества. В действительности значительное превышение размеров сферы услуг над производством может объясняться, во-первых, низким уровнем рождаемости, когда люди ориентированы на развлечения, которые и составляют в значительной степени сферу услуг, и не обременены заботой о 5–12 детях, что было нормой на протяжении большей части истории. Во-вторых, сокращение производства на Западе объясняется нежеланием местного населения по-настоящему трудиться, в результате чего предпринимателям приходится переносить бизнес в Азию.

Другим мифом является перенаселенность планеты, для чего якобы и нужен проповедуемый либералами контроль над рождаемостью, так как десятки миллионов землян голодают и не имеют доступа к чистой питьевой воде. Откровенно говоря, причиной беспроблемной нищеты слаборазвитых народов остается их несклонность к труду, а не нехватка контрацептивов. Африканский рыбак до сих пор проклинает богов за большой улов, поскольку с ним надо еще что-то делать. Что касается продовольствия, то, по признанию ученых, одна Аргентина была бы способна прокормить все человечество.

⁶ Именно Германия, по мнению Бжезинского, занимает третье место в мировой иерархии, сразу после США и Китая (Бжезинский З. *Указ. соч.* С. 18).

во, причем планета вполне может выдержать 20 млрд населения без особых последствий для экологии и природных ресурсов⁷.

Если признать очевидное, то дискредитация лишь трех обозначенных концепций — отрицания национальностей, вступления Запада в фазу постиндустриального общества и прогрессирующей перенаселенности планеты — приводит к тому, что либеральный мираж рассеивается, и грандиозное здание радикального либерализма рассыпается как карточный домик.

Новая Палестина

В то время как Запад находится в плену мифов, чья абсурдность видна невооруженным глазом, на Востоке собираются силы, которые и будут определять ход истории наступившего века. До 2050 года общее население только четырех стран — Пакистана, Китая, Индии и Бангладеш — вырастет более чем на миллиард человек⁸. Дома останутся не все, кому-то на планете придется потесниться. И уже понятно, кому.

Политики проводят неприятные аналогии, в справедливость которых вполне можно поверить. Как заметил Патрик Бьюкенен, противостояние Израиля с Палестиной и соседними арабскими государствами может служить метафорой к положению всего западного мира по отношению к развивающимся странам. Действительно, желание США непосредственно контролировать Афганистан, чтобы предотвратить создание там лагерей для подготовки террористов, имеет те же основания, что и желание Израиля контролировать палестинские территории для предотвращения образования там «инфраструктуры террора».

Ряд западных стран, например, Испания, уже приняли на вооружение доктрину «территория за мир», выведя свои войска из Ирака, прекратив его оккупацию под угрозой новых терактов. Надо сказать, что эффективность этой доктрины вызывает сомнения не только по отношению к Израилю, который, следуя ей, может добиться полного мира, лишь отдав всю свою территорию и исчезнув. Соединенные Штаты слишком велики, чтобы не вмешиваться в дела нефтяных исламских стран и не только нефтяных. Для Америки следование политике «мир в обмен на территорию» вряд ли возможно, поскольку приведет лишь к ослаблению страны и дальнейшим претензиям со стороны исламистов (как это и происходит в случае с Израилем). Поэтому американцы и затеяли коренное переустройство мира, назвав его «войной с терроризмом».

Конечно, «война с терроризмом» — это условный термин, который выдает желаемое за действительное. Как израильтяне борются не с абстрактным терроризмом, а с весьма конкретными государствами и народами, так и Запад, откровенно говоря, противостоит не нескольким террористическим сетям, а стоящему за ними многомиллионному исламскому миру, одобряющему теракты. Точно также неправда, будто уничтожение мирного населения, к которому прибегают террористы, является чем-то необычным для войны. Стало уже банальностью вспоминать в связи с этим бомбардировки союзниками гер-

⁷ Капица С. П. *Лекция в Звенигородской биологической станции МГУ*. Июль 2005.

⁸ Бжезинский. *Указ. соч.* С. 111.

манских городов в конце Второй мировой войны, целью которых были мирные жители, или ядерные удары по Хиросиме и Нагасаки, жертвами которых стали преимущественно мирные японцы. Западные налогоплательщики, которых взрывают исламисты, содержат армии, оккупирующие исламские страны и часто голосуют за правительства, которые осуществляют эту оккупацию, правительства, убивающие тысячи мирных мусульман, как это было в Ираке.

Считать, будто враг не прав во всем и что люди, которые себя взрывают, идут на это, только потому, что они — «моральные уроды», глупо. Шахиды, как показывают исследования, это грамотные и образованные люди, а не сумашедшие бедняки, как почему-то полагают на Западе. В действительности бедность не вызывает терроризма. Рассуждения западной публики о том, что к терактам приводит бедность, показывает, кто в действительности является «моральными уродами», потому что только «моральные уроды» могут думать, будто эти люди взрывают себя ради денег.

Между тем Европа все глубже погружается в проблемы, с которыми раньше сталкивался лишь Израиль. Исламская община Франции уже насчитывает шесть миллионов человек. При этом, по данным полиции, 9 тысяч из них являются опасными экстремистами. Если эти девять тысяч экстремистов получат поддержку хотя бы десятой части мусульманской общины, Франция может стать местом, непригодным для жизни. Ситуация в Британии также, увы, предсказуема. По экспертным оценкам, там проживает порядка 2 млн мусульман, причем официальный Мусульманский совет Британии не контролирует более 20 фундаменталистских и экстремистских группировок, и основную часть мусульманской молодежи. В июле 2005 года по заказу газеты «Дэйли Телеграф» был проведен опрос британских мусульман, в результате чего выяснилось, что 24 % опрошенных симпатизируют террористам, 32 % считают западное общество декадентским и аморальным и полагают, что мусульмане должны положить этому конец, 6 % — оправдывают лондонские теракты, 1 %, то есть 16 тыс. человек, готовы прибегнуть к насилию для борьбы с западным обществом⁹. И это лишь те, кто признается открыто.

Нынешнее миролюбие большей части мусульманской общины Европы — уникальное историческое явление, вызванное уникальными, временными обстоятельствами. Миролюбие столь крупной общины, не желающей интегрироваться в европейское общество, не может продолжаться долго. Тихая идиллия, при которой представители мусульман Британии на встрече с Блэром осуждают теракты в один голос с родителями террористов, не вечна. Либералы не могут этого не понимать, и следуют известному демагогическому приему — не можешь объяснить причины — отрицай факт. Они отрицают опасность, исходящую от неинтегрируемых иммигрантов, поскольку объяснение причины такого положения дел наносит сокрушительный удар по мифологии мультикультурализма и терпимости.

Европейцы не случайно живо реагируют на войну, идущую на Ближнем Востоке, которую, по меткому замечанию одного наблюдателя, почему-то называют мирным процессом. Причем сочувствие европейцев делу палестин-

⁹ One in four Muslims sympathises with motives of terrorists. By Anthony King // The Daily Telegraph. 23.07.2005.

цев все в большей степени может объясняться опасениями по поводу того, что подумает местная мусульманская община. Мусульмане становятся значимой частью электората, что может привести к переориентации на них части традиционного политического истеблишмента. Когда Алиса падала в кроличью нору, то пыталась делать реверансы, представляя, как будет говорить с людьми на той стороне земли. Также смешно выглядят европейцы, летящие в пропасть, но при этом делающие реверансы не только в сторону собственных мусульманских общин, но даже в сторону палестинцев.

Подавляющая часть планеты превращается в палестинские территории, возмущенные своей нищетой и бесправием, а западные страны становятся коллективным Израилем, делающим вид, что придерживается общечеловеческих ценностей, но потихоньку закрывающим границы.

Стратегия

В противостоянии с радикальными исламистами, опирающимися на поддержку значительной части населения исламских стран и правительств, политика сдерживания, проводившаяся по отношению к СССР, может осуществляться лишь в том, что касается противодействия переходу под контроль мусульманских стран и руководства каких-либо новых территорий (Чечня, Косово, Кашмир, юг Филиппин) и предотвращения приходу к власти в мусульманских странах исламистских режимов. В то же время, ограничение поставок в исламские страны новых технологий, а также ограничение инвестиций, что применялось по отношению к СССР, конечно, было бы неразумным. В идеале, из чего и исходит американская политика на Ближнем Востоке, необходима реконструкция исламских обществ по образцу послевоенной реконструкции Германии и Японии. Как справедливо отмечают эксперты, это будет намного сложнее, ибо отсутствуют необходимые экономические, социальные и культурные предпосылки для такого развития. Иными словами, разумная политика Запада по отношению к исламским странам — это своего рода «полусдерживание», препятствие их территориальной экспансии, росту национализма и религиозного экстремизма одновременно с поощрением экономического и социального развития по западному образцу.

Можно было бы сформулировать несколько элементарных пунктов, необходимых для успешного ведения так называемой войны с терроризмом: территории, не находящиеся под властью исламских правительств, не должны переходить под их контроль; мусульманские общины не должны получать в западных странах никаких особых прав; только признание западных ценностей и образа жизни (который перед этим следовало бы скорректировать) дает право на проживание в западных странах.

Несоблюдение первого пункта ведет к увеличению возможностей для создания «террористических» (а фактически военных и партизанских) сетей и тренировочных лагерей, в том числе в самой Европе (Косово и Чечня). Соединенным Штатам, возможно, следовало бы заключить обязывающее формальное соглашение с Россией и подобными государствами, к которым исламисты предъявляют масштабные территориальные претензии, соглашение, гарантирующее территориальную целостность этих государств

в обмен на содействие Америке на Ближнем Востоке. Несоблюдение второго и третьего пунктов ведет к дальнейшему обособлению мусульманских общин, что значительно увеличивает возможности для радикальной исламистской пропаганды в них и в конечном итоге может привести к вооруженным столкновениям и распаду западных государств. Проведение подобной политики, безусловно, натолкнется на неприятие со стороны влиятельных групп внутри самих западных стран, объединенных по принципам мировоззрения, и с этим придется что-то делать.

Ситуацию, разумеется, не следует упрощать, ведь исламский мир — опасный, но все же не единственный соперник Запада. Есть еще Китай, и лишь Индонезия, самая многонаселенная (более 200 млн) исламская страна мира, способна сдерживать его продвижение на юг. Альянс США с Индонезией немислим без приемлемых отношений с исламским миром в целом, при всей условности этого понятия. И это лишь один пример.

После либерализма

Несмотря на необоснованность ряда претензий консерваторов к либерализму, все же есть основания считать, что в своей радикальной интерпретации он находится в принципиальной противоречии с человеческой природой.

Ряд антропологов полагает, что современный человек вытеснил неандертальцев благодаря умению организовываться в большие коллективы. Это требовало от отдельных людей сдерживать свои желания и подчиняться коллективу. Нервные центры, отвечающие за эту функцию, находятся в лобовых долях головного мозга, которые хорошо развиты у человека и были менее развиты у неандертальцев. Теоретики радикального либерализма, ставя интересы личности выше интересов общества, призывают людей отказаться от собственной природы и уподобиться неандертальцами. Можно было бы сказать, что радикальный либерализм — это заговор неандертальцев против человечества. Эта доктрина угрожает не просто существованию западных государств и обществ, она угрожает существованию человека как вида.

Многих наблюдателей не покидает ощущение того, что широкое понимание прав человека, включая свободную пропаганду явно антисоциального образа жизни, является не очередной стадией прогресса, а тем состоянием полубреда, в котором отходят в мир иной тяжело больные люди. Согласно версии консерваторов, человеческая природа неизменна, и то, что противоречило ей пять тысяч лет назад, противоречит и сейчас.

По мысли людей, сформулировавших либеральную доктрину (Локк, Монтескье, Смит, отцы-основатели) равная свобода и преследование личного интереса должны иметь место лишь в пределах, ограниченных традиционной моралью, а это подразумевает умеряющее воздействие традиционной религии, семьи, системы образования. Однако что же делать, если все это рухнуло? В начале новой эры ответом на подобную деградацию античного мира стало нашествие варваров, уничтоживших его. Обязательно ли ждать такого конца? Но ведь еще неизвестен способ, позволивший бы либеральному, терпимому обществу существовать сколько-нибудь длительное время.